

Проза нашего времени

Колекција српске књижевности

Колекција сербской литературы

Дојна Галић Бар

ЗВОНА И ВЕТАР

ДОЙНА
ГАЛИЧ-БАРР
КОЛОКОЛА
И ВЕТЕР

Вахазар

2009

ЭТЕРНА

УДК 82-1.163.41
ББК 84(4Юго)-5
Г16

Перевод с сербского Андрея Базилевского

Галич-Барр, Дойна

Г16 Колокола и ветер: [Роман] / Пер. с серб. А. Базилевского. — М.: Вахазар; Этерна, 2009. — 304 с. — (Коллекция сербской литературы, 3-1; Проза нашего времени).

ISBN 5-88190-053-7 (Вахазар)

ISBN 978-5-480-00199-X (Этерна)

Роман-мозаика о тайнах времени, любви и красоты, о мучительной тоске по недостижимому и утешении в вере. Поэтическое сновидение и молитвенная исповедь героини-художницы перед неведомым собеседником.

УДК 82-1.163.41

ББК 84(4Юго)-5

ISBN 5-88190-053-7

(Вахазар)

ISBN 978-5-480-00199-X

(Этерна)

© П. Р. Драгич-Киюк, текст,
2006

© А. Базилевский, перевод,
2009

© Издательство «Вахазар»,
серия, 2004

© Издательство «Этерна»,
серия, 2009

© Издательство «Этерна»,
оформление, 2009

*...Со дна праокеана —
слышу, — канув, гудят колокола.*

Момчило Настасиевич. Мысль

ИИСУСОВЫ СЛЕЗЫ

Утром, на заре, я слушала музыку, доносившуюся из вашего дома. Аккорды словно вдруг приходили с дождем и ветром и быстро обрывались. Почему вы тоскуете? Вы тоже скрываете свои чувства. Ведь ваше лицо, интонация вашей речи, кажется, полны священным покоем, которого не затронуло страдание жизни. Или вы, как большинство людей, любите слушать чужие исповеди, сами не раскрывая душу? Иногда мне кажется, что вы здесь, рядом со мной, лишь для того, чтоб убедиться в моей слабости. Может быть, именно в этом причина, что вы упорно, как дух, молчите.

Звуки композиции Сибелиуса, — записала я в дневнике, — особенно духовых инструментов, разлетались по лесистым холмам. Листья трепетали, пшеница на полях в долине, словно под музыку, плясала на ветру, а он сливался с финским ветром, который Сибелиус заколдовал в своей симфонии. Ветер вздымался к облакам полноводной рекой — она вышла из берегов, чтобы стать свободной и продолжить свое таинственное течение к вечности. Сибелиус приводит меня в состояние, близкое к трансу,

я восхищена, я словно меж сном и явью, на грани самозабвения. В такие минуты чувствуешь, что Бог духовно и ментально помогал композитору творить, что Всемогущий раскрывает свою божественную суть в музыке. Я тоже, когда пишу иконы, а особенно когда работаю над фресками и мозаиками, ощущаю в себе его силу и мощь. Только такие работы имеют художественную ценность. Апостол Иоанн свидетельствует о словах Христа:

«Отец во мне, и я в нем».

Христос учит нас и такими словами:

«Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам».

Я понимаю, почему вы любите классическую музыку. Ваши композиции — диалог с Богом, с бессмертием. Для меня несомненно, что жизнь после смерти есть, не зря веками вместе с мертвыми хоронили вещи, нужные в повседневной жизни. Серьезные композиторы, такие как вы, бессмертны благодаря музыке. Они оставляют миру часть себя и весть о Всевышнем: и божество, и искусство всегда устремлены в будущее.

Могу себе представить, как жилось бы вам, не будь надежды, что в музыке вы обретете бессмертие. Разрушился бы весь ваш мир. И вера. Я люблю ваши композиции за веру в энергию жизни и знаю, когда вы довольны, что удалось воплотить задуманное. Тогда вы обычно напеваете арии из опер, а то и какую-нибудь народную песню, а я не могу ее узнать, не знаю, откуда она.

Спрашиваю себя: почему вы так любите Сибелиуса? А просто он затрагивает любую судьбу, даже мою, и судьбу родины. Почти у каждого народа, пережившего насилие, есть легенды, которыми он защищается от ужаса коллективной памяти. Так и с

историей Финляндии: Сибелиус превратил ее в музыку, противопоставив насилию величие природы. Сколько бы мы ни слушали эти хмурые, печальные композиции, они всегда несут ощущение духовности, контрасты эмоций, с постоянным прославлением легендарного мира и благодатного северного пейзажа.

Вы любите и часто слушаете сочинения финского композитора. Мы уже прослушали вместе несколько его симфоний, думаю — пять, осталось еще две. Жаль, что он уничтожил восьмую. В первой сильно влияние романтизма Чайковского, а вторую, ту, что звучит сегодня, я чувствую, он писал сердцем и душой, без всяких посторонних влияний. Воздействует ли Сибелиус на вашу работу?

В ваших композициях тоже воплощено печальное, грустное восприятие мира, но они насыщены теплом, в них есть послание надежды и счастья. Я слышу в них колокольный звон и звук ветра.

Какой ветер вы избрали? Ведь у каждого ветра своя тональность, свой почерк и память.

Я слышу ветры этих холмов, долин и ущелий. Слушаю, как трепещут ласкаемые солнцем листья. Мне раскрывается вера в пении, в колокольчиках ягнят и народной музыке — исконном звуке этих холмов. И в ваших, порой меланхолических, сонатах, где слышна свирель.

Меня спрашивали: что побуждает вас сочинять музыку именно здесь, близ этого монастыря в уединении? А меня, что меня влечет из Америки в здешние церкви, побуждая украшать их стены фресками и иконами? Я не сержусь — ведь в любопытстве скрыта наивная любознательность, а не всезнающая гордыня.

Возможно, жажда и потребность делать то, что я делаю, эгоистичны. Работа над фресками и икона-

ми доставляет мне удовольствие, приносит счастье, которого я долго не понимала. Ничто не могло дать душе такого утешения. Я путешествовала в прошлое через образы Сотворения мира, истории христианства — не той, о которой читала в Священном Писании, которой изумлялась на уроках закона Божия или восхищалась в произведениях старых мастеров, посещая церкви и музеи. Это путешествие рождало личные представления о прошлом. Словно и я — участница тех событий, словно и я жила в те времена и где-то в клетках мозга все они генетически сохранены, ибо и до моего рождения пребывали в клеточках далеких предков, свидетелей того, что я теперь пишу. Так рождается новый, мистический религиозный опыт — когда пишу, я переживаю его в молитвах. Эти новые образы воплощены и в других работах — не в монастырских, а в тех, что я выставляю или храню у себя дома.

Таков мой земной дар и благодарение Иисусу Христу и святым, которых я еще больше полюбила, работая над иконами, — работа метафизически приближала меня к ним.

Почти вся арка при входе в мой американский дом — в мозаике. Темы композиций — исцеления и чудеса, которые Иисус совершил до своего воскресения. Он показан как земной человек, как те, кому он помогает, даже и женщины, морально и душевно падшие. Работая, я видела его слезы и слышала плач — не от физической боли, страданий и мук, но оттого, что он свидетельствует, сколько трагедий и мук в человеческой жизни, и понимает, как нам, грешным, нужна помощь, явленная в чудесах и вере во Всевышнего. Его лицо было спокойно, не выражало тоски; но в пронизательных, темных,

влажных глазах поблескивали слезы. Эти глаза лучше, чем наши, человеческие, видели прошлое рода людского, его настоящее и будущее, которое не сулило избавления от ненависти, злобы, зависти, убийств, болезней и голода. Иисус из Назарета шел по Святой земле, исцелял и творил чудеса.

Это дитя было избрано Богом, чтобы родиться, хотя, мне кажется, вы так не думаете. Но уверяю вас, на меня его изображения и рассказы о Нем произвели еще в детстве сильное впечатление — и зрительное, и эмоциональное. Может, поэтому лицо одного ребенка на панно похоже на мое. Это заметили и зрители, и мои родители, хотя, работая над мозаикой, я не сознавала, что и своим запечатленным лицом свидетельствую о Его чудесах. Говорят, есть икона, на которой Христос плачет. Мне бы очень хотелось ее увидеть. Я услышала о ней уже после завершения мозаики. Хотелось бы мне ее увидеть, хотя бы на фотографии.

Я спрашивала себя, о чем он думал, когда был ребенком, и размышляла: какое детство было у него, богоизбранного? Эти сцены не покидали меня, их я охотнее всего рисовала. Видения Христа в буйной детской фантазии были многообразны. Я размышляла, как его неземная сила и чудеса действовали на старшего брата и на друзей, на простодушные игры, в которых он наверняка был непревзойденным. Для сверстников он был фокусником, который, хоть он и отрок, творит чудеса. Возможно, они даже боялись его силы? Я была единственным ребенком и не знаю, что такое отношения с братом или сестрой. В школе я слышала, как другие дети жалуются на сестер и братьев. И не могла понять их ревности и злости. Мне так хотелось, чтобы у мамы был еще один ребенок, мы бы

вместе играли. Говоря с честными сестрами-монахинями о ревности в семье, я спросила, был ли ревнив старший брат Иисуса и его друзья?

— Да! — ответила честная сестра, удивленная вопросом. — Брат очень злился и ревновал, — продолжала она, — ведь отец сказал ему, что Иисус — избранник Бога, что ангелы и пастухи с дарами посетили Христа в день рождения и эта тайна еще не сообщена Христу. Иосиф и Мария не сказали ему, почему покинули Вифлеем и ушли в Египет. Скрыли, что в поисках младенца Иисуса царь Ирод приказал за одну ночь, до зари, убить всех детей. А они благополучно жили в Александрии до самого возвращения в Святую землю.

Когда Иисусу исполнилось тринадцать лет и он, согласно обычаю, стал считаться мужчиной, брат, терзаясь угрызениями совести, открыл ему тайну его избранности и просил простить его. Христос не отреагировал, из рассказа брата он не понял смысла явления ангела, но был потрясен тем, что из-за него погибли дети. Он спросил об ангеле мать и Иосифа, и мать со слезами рассказала ему, что Якова и ее посетил ангел и возвестил, что он — Сын Божий.

На моих рисунках тех лет Христос — веселый ребенок, он шутит, смеется с друзьями и совершает чудеса, которые сам считает магическими трюками. Так было, и когда я стала пользоваться красками: я изображала его веселым мальчиком, купающимся в реке Иордан, где позднее он был крещен. В окружении большой семьи Иисус пел псалмы благодарения Богу. Он был так близок мне в мечте, как будто мы всегда были вместе. Я сказала об этом честной сестре, и она ласково улыбнувшись, поцеловала меня в голову.

Вернувшись в Иерусалим, он увидел последствия погрома, руины и пепел домов и еще не восстановленных храмов. Честные сестры воспринимали мои видения, запечатленные в рисунках, как Божий дар и поощряли меня к тому, чтоб я продолжала рисовать Христа — мальчика и младенца. Если б я жила в Его время, думала я, мы были бы добрыми друзьями.

И вот однажды ночью мне было явлено чудесное видение: я легко поднималась к вершине холма, словно не касаясь земли. Но когда была уже почти у цели и обернулась на пройденный путь, я очень удивилась. Позади все сияло светом, и множество детей купались в этом свете, и моя одежда светилась, и башмаки. А впереди было все знакомо: и полевые цветы, и стволы тополей. Куда ни повернись — все наполнял мягкий, благоуханный, приветливый свет. Но вот я добралась до вершины, и все исчезло, кроме нереального света, который, подобно туману, поднимался в небо. И тут я проснулась. Наутро я хотела это написать красками, но ничего не вышло. Я не могла вспомнить, не могла перенести на холст тот необычайный свет. На полотне остались только холм, тропинка и множество цветов. А над холмом я написала домик на облаке. Я злилась на себя и не хотела показывать картину честной сестре.

Я могла бы писать рассказы о фантастических видениях своего раннего детства. Богатые верой, они были поддержаны и обрели форму во французском пансионе в Париже. Там, на стенах всех классов, в спальне и в столовой, в часовне, — везде был он, распятый на кресте. Он повседневно присутствовал в наших молитвах и разговорах. Было два образа: один — переживание Христа через мечту

ребенка, в которой он беззаботен или иногда испуган, как я в детстве, другой — видение взрослого Христа, который сознательно помогал людям, творил чудеса как Сын Божий и был распят, дабы спасти нас, грешных. В позднейших моих работах отражалось то же самое.

Я думала и о его матери, о том, как она его воспитывала и растила, была ли строга к нему? Честные сестры учили, что Иисус был хорошим ребенком. Испытывала ли мать некое особое святопочитание к сыну, зная, что он избранник Божий? — продолжала спрашивать я. Как могла она жить в постоянном страхе, зная, что власти хотят убить его? Как могла, обняв его, спокойно отпускать играть и ждать дня, когда получит от ангела знак, что пора сказать ему, кто ОН, и что она его потеряет? Наверно, она была очень отважна, если Творец увидел в ней достоинства, которых мы еще не знаем вполне. Мы ведь только предполагаем, почему именно ее он избрал Богоматерью. Воспитать ребенка, тем более Христа, был ее великий долг перед Богом, а сколь удивительно и скорбно было чувство, что сын отдаст жизнь ради спасения всех людей. Избранный Всемогущим, ей он не принадлежит, думала она в печали.

Мое благоговение перед Богородицей — святейшей из женщин, избранной Богом,— выразилось в том, что в те годы я писала ее с огромным золотым нимбом, который был для меня символом особой ценности — святости, установленной Богом. Я покрывала ее тело драпировками нежной окраски, а руки выписывала особенно тщательно, ибо ими она обнимала свое дитя, Спасителя нашего. Когда я писала иконы с ее ликом, я ощущала любовь, уважение, теплоту, нежность, но и печаль.

Я постигала ее образ — образ матери с ребенком на руках. Может, потому и в Коране она прославлена, о ней идет речь в нескольких главах. Мусульмане верят в ее существование и зовут ее Марьям. Они не отрицают Христа, но не признают, что он — Сын Божий, который воскрес. Для них он — вестник Бога, его апостол на земле, посланный, дабы вершить чудеса и помогать впавшим в грех подняться.

Часть моей любви и благодарности за муки Иисуса — на стенах монастырей, которые я расписываю, в иконах и мозаиках, которые, если они не будут уничтожены врагами православия, останутся свидетелями крепкой веры того, кто их создал. Это не нарциссизм, не влюбленность в себя и свои работы, я пишу не для того, чтобы добиться славы и почитания. Знаю, что скоро после смерти буду забыта, как все до меня. Но если эта работа полезна и достойна того, чтобы не пропасть, она будет жить и после смерти моей, независимо от того, кто ее автор, ибо об этом не будет записи. Запись запечатлена в моем сердце, а когда оно перестанет биться, душа может впитать ее, если будет на то воля Божья.

Здесь, в тишине, я слушаю молитвы и наблюдаю жизнь монахинь, которые продолжают старинные богослужения и ведут аскетическую жизнь, верную завету изначального христианства. Этот завет не модернизирован в обряде, не запятнан временем и событиями в мире, где столько ненависти и зла. Я становлюсь лучше, во мне растет творческая сила, поскольку я повседневно ощущаю, что только Бог вечен и истинен. Он — не абстрактное понятие. Он близок, он — единственная реальность доброты; в нашем существовании он воплощает все самое лучшее, чистое, вечную любовь и единую истину. Всемогущий творец всей красоты и всех

ветвей искусства — он в звуке музыкальных инструментов, в ритме композиций и жизни, в красках природы и картин; он ваяет, пишет, шепчет слова ободрения и поддержки. Он прощает и понимает. Он — неутомимый учитель — всегда готов выслушать и помочь. Благодаря этому понимаю, вероятно, и в моем рассказе меньше боли. Человек крепче верит, если он пережил отчаяние, ибо только тогда знает, что такое счастье.

Монастырь воздействует ирреально, мистически. В любое из четырех времен года он сообщает нам, что здесь живет вечность, а все остальное проходяще и ничтожно. Он мягко напоминает нам о бренности жизни.

Творец, Бог желает, чтобы избранные, те, кого выбрал он, на века остались в человеческой памяти. Только его мощь придает делам людским печать совершенства, долговечности и красоты. Такой мерой он измерил человека, так — одинаково — одарил художников и монахов.

Он — в инструментах изобретателей и проектах строителей. Во всяком звуке, записанной ноте и ритме, во всякой линии, начертанной живописцем. Только через него музыкант вдохновлен — как расположить ноты, применить их, создать лад и гармонию, которые возвысят душу богатством переживаний. Ученым он дал жажду совершенства, художникам — жажду космической гармонии.

Он — в каждом слове хорошо написанной книги, стихотворения, рассказа, ибо его мудрость позволяет писателю смотреть дальше и глубже, чем видит обычный человек, обогащает его мечтой и идеями, которые, возможно, когда-то были реальностью или станут реальностью в будущем. Беседы с мастерами, теми, кто делает скрипки, арфы, орга-

ны, флейты и другие инструменты, убедили меня в том, что в их благородной работе есть духовная связь с Вездесущим. То же с композиторами, художниками и писателями. Все признают, что они, когда творят, находятся в некоей особенной сфере, даже претупают порог иной действительности, — особенно композиторы, ибо их язык более всего созвучен языку сакральной реальности.

В произведениях живописцев и скульпторов Бог является во множестве обликов, как если бы уже был частью полотна или мраморной глыбы, ибо всё, что мы видим, чувствуем, думаем, есть плод его творения. Особенно в религиозных работах старых мастеров: какого бы их создания в музеях и церквях наша рука ни коснулась, она восхищенно гладит его. Поэтому искусство близко всем смертным — от Адама и Евы до бесконечности. В образах борьбы веры и сомнения, ангела и дьявола, любви и вожделения, в картинах боли и страдания, преступления и наказания, униженности и оскорбленности скрыто многообразие записанных слов Христовых апостолов. В опытах искусства мы ищем не только ответа на вопрос о смысле бытия, но и обетования, о котором мечтает все человечество, искони жаждущее жизни вечной, в красоте и мире с Создателем.

А вдруг красота, окончательная, единственная, на сей раз будет найдена?

Я не льщу вам — ибо вы выше обычных людей, вы почти нереальны, — когда утверждаю и предсказываю, что музыка сделает вас бессмертным, имя ваше будут долго помнить на земле и после вашей смерти, потому что в том, что несет ваша музыка, есть нечто единственное, уникальное, неземное — в ней звучит мощь вечности.

Это вызывает у меня доверие, вот почему я говорю с вами открыто. Кто создает такую музыку, тот ближе к Богу и не может причинить мне вреда. Я знаю, это не игра моего чувственного воображения или души и не иллюзия, родившаяся в здешней тишине. Я слышу вашу музыку даже во сне и потому знаю ее силу. Сны многое открывают, если на них обращать внимание и без страха позволять им говорить с нами.

Иногда вы сутками не спите. Я слышу райские звуки, летящие через долины, ущелья — в леса. Ваш дом освещен, а когда он покрыт снегом, он похож на рождественскую елку. Зимы здесь долги и холодны, вы согреваете их звуками.

ЧЕРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Я повествую вам о своей жизни, а вы подбираете музыку, пока я раскрываю себя и свою судьбу. Аккомпанируете моему рассказу композициями для органа Сезара Франка, иногда Баха и Моцарта. После Баха и до композиций Мессиаана музыка Франка для органа — величайшее явление. Франция, вторая половина XIX века... Пытаюсь понять эту музыку. Она нас, грешных, связует с церковью и славой Божьей. Словно утешает себя и нас, что все земные мучения и периодические упадки духа не стоят того, чтобы позволить душе страдать. Эта музыка сопровождает рождение моих религиозных работ. Открывает внутреннюю напряженность медитации и тревожную глубину вытесненных ощущений. Франк отдал себя и свое пламенное, святое вдохновение оратории «Искупление, или Блаженство» (где ведет нас к Нагорной проповеди). Он благословляет нас, словно посвящая в адепты симфонизма, и духовно готовит к восприятию «Трех хоралов для органа». В нем и Бах, и Бетховен, и Вагнер, но при этом у него своя, оригинальная техника ритмических переходов при передаче

света и мрака, слез и улыбки, душевных страданий и восторгов; они касаются моей судьбы, становятся ее частью.

Уже несколько недель мы слушаем Сибелиуса. Что он открывает в нас? Нет ничего во мне, что смирило бы житейскую бурю в моем сердце подобно воздействию его композиций. Знаю, что вы меня понимаете.

Вы смотрите, как я работаю, наблюдаете за каждым движением, за тем, как я управляюсь с цветными камешками. Техника мозаики — это чудо! Вы наверняка не знаете: существует 650 оттенков камешков, которые используют, чтоб выразить состояние природы и человеческой души. И они тоже Божьи дети. Вы следите за движениями моих рук, когда я их выкладываю, создавая цветную картину. Чувствуете во мне веру, близость к православию, связь с монастырями, любовь и восхищение бескорыстием и скромностью монахинь. А разве это не вполне естественно? Ведь аскетизм — исходная и конечная точка искушения и у художника, и у инока.

Мы видим у них полное исчезновение физического тела. Монахини кажутся стройными кипарисами в движении или особенными, увядающими Божьими цветами. Словно астральные ангелы с белыми спокойными лицами, избранницы Христовы ходят по этой святой земле без спешки и шума. Только молитвы, церковное пение и звон колоколов — звуки, которые сопутствуют им, где бы они ни были.

Они слушают и вашу музыку. Я часто вижу, как они, работая на винограднике или в саду, прерывают свой тяжкий труд, чтобы послушать вас.

В вашей музыке есть некая священная печаль. Какая-нибудь композиция звучит словно плач кон-

трабаса или блуждание скрипки в космосе, но вы искусно вплетаете в нее звуки природы: пение птиц, жужжание пчел, трескотню кузнечиков, шум дождя, ветерка, журчание потока, будто показываете нам, что музыка повсюду и что она, а это действительно так,— не только создание инструмента и человека.

Природа полна интонаций, мелодий, целых симфоний — ветер разносит и впитывает их; так же и волны в нежном или взволнованном прикосновении к скалам, и океаны в своей таинственной глубине открывают ритмы звуков и тишины.

Согласитесь ли вы, что здесь, вблизи монастыря, лучшие звуки, вызванные человеком, это те, что издают церковные колокола, а природа разносит по окрестным полям и лесистым холмам? Колокольных дел мастер искусными руками воплотил эти мелодии в бронзе или другом материале, каждый колокол имеет свои особенности, свою биографию. Должно быть, и мастер молился Богу, чтоб колокол обрел свой неземной звук.

Вашу музыку особенно внимательно слушает одна из монахинь. Я знаю о ней очень мало, она появилась тут совсем недавно. Она все еще отшельница, замкнута больше, чем другие. По слухам, владеет несколькими языками, но с гостями почти не говорит. Не знаю, откуда она. Я смотрю на ее тонкое лицо: глаза похожи на большие каштаны, брови точно выписанные руны, нос будто точеный,— привлекательное лицо, милое и спокойное, и спрашиваю себя, какая радость или боль привела ее сюда. Пожалуй, очевидно: ее врожденная красота не гарантировала счастья. Красота — это искушение, мой дорогой молчаливый друг. Может статься, она наказывает себя за то, что поддалась

рискованной земной любви — игре плоти, которая привлекательна, но опасна. Привлекательна, ибо ее мгновениями мы защищаемся от бренности; опасна, ибо страсть, как мираж, быстро исчезает, не переходя в покой. Если допустить, что тело стало единственным ключом к счастью, все остальное теряет смысл. Такой любви следует опасаться, она всегда ведет к одиночеству, ибо мы позволили плоти стать целью для самой себя.

Выдержит ли она отшельничество, окажется ли сильней своих человеческих слабостей, желаний, искушений, не поколеблется ли в решении отринуть все земное, даже самых родных людей?

Отчего вы поморщились? Может, не надо мне было о ней упоминать? Может, в ней — тайна вашего приезда сюда, или она напомнила вам о прошлом, о вас самом, когда вы были недовольны собой?

Я смотрю, как она спускается сверху в ущелье, то и дело оглядываясь, устремляя взор в небо. Останавливается, начинает молиться. Звук ее голоса необычен — похож на молитвенное пение, негромок, но пронзителен. Сквозь дикое ущелье она словно посылает исповедь Всевышнему — одним только пением, без какого-либо инструмента, кроме голосовых связок, данных от Бога, и словно направляет молитву кому-то еще. Ничто не мешает ей, чувствуется, как она собрана, взгляд устремлен только к Христу. Когда дождь или снег падает на ее черную рясу и платок, она молится усердней всего.

Трепет ее голоса соединяет небо и землю.

Подобно потерянной черной жемчужине, в чей дом вошел хищный нож, чтобы украсть все, что было внутри, она ищет надежду в уединении,

в ином, непознанном мире, которому учится лишь теперь — впитывает веру, строит прочную, несокрушимую раковину в новом доме вечной Божьей любви. Вы спрашиваете меня, будет ли кто-то, влюбленный в ее красоту, пытаться ее найти?..

Иногда мы тянемся к любовнику из себялюбия, отдаемся его прикосновениям, потому что не можем быть одни. Но знаем, что это не любовь, а слабость. Если любовь — слабость, то не вечное ли это наше свойство, ибо, когда мы закрываем глаза или спим, совести не существует. Потому иные из нас, невзирая на пол, гонятся за сном наяву и за реальностью, которая всего лишь сон. Быть на грани, оставаясь верными своей слабости, могут лишь опытные, отважные и постоянные любовники.

Много раз я задавалась вопросом: в какой трагедии могла участвовать эта женщина? Или она была жертвой? Некрасиво, что я так думаю о ней только потому, что ее не понимаю. Ведь возможно, некая внутренняя сила, сильнее всех прочих, привела ее к Христу. Я хочу, чтобы послушница с тонким лицом осталась для нас загадкой. Это было бы справедливо.

Окруженная скромными монахинями, которые держат в узде все свои желания, я испытываю стыд. Они долго и часто постятся, не жалуясь, по внутренней потребности. Когда не постятся, питаются скудно. Поэтому они такие стройные, здоровые, подвижные и просветленные.

Я краснею, осознав, что с трудом контролирую свою жажду еды и сладостей. Мне труден долгий пост. Но я понимаю, что с молитвой становлюсь лучше и в пост лучше пишу.

В Эфиопии я непрерывно постилась и молилась, это заметно по моим иконам и фрескам. В них было что-то смиренное, они были ближе к Богу.

Я сознательно вводила в некоторые работы лица молящихся монахинь, особенно игуменьи Иеремии, и лица эфиопских детей. У ангелов были их крупные темные глаза, кудрявые черные волосы, даже их крупные рты. Ангелы были облачены в туники, украшенные местной вышивкой. Такие туники ткали и женщины, и мужчины и красили красками, состав которых веками хранился в тайне. Я научилась у них изготавливать некоторые из этих красок: кризум, синюю и золотую. Ими я писала драпировки, тоги святых и одежду людей, которые их окружали в молитве. Монахини говорили мне, что все они ощущали близость с образами моих икон, святые и ангелы были им сродни.

В каждой работе присутствовал ангел с большими темно-синими глазами и каштановыми волосами. Мать Иеремия первая поняла, почему в разных сценах я всегда пишу этого ангела, и тихо сказала мне, когда мы были одни:

— Мы молимся Ему, потому что он для вас много значит. Он хранит вас, никогда не забывайте об этом.

Только тогда я поняла, что он поистине частица всех моих работ... Нет, я не стану описывать вам в подробностях свое пребывание в Эфиопии. Предлагаю послушать тишину...

СИНИЙ ЗОНТ ЛЮБВИ

В эфиопском женском монастыре, удаленном от людей и туристов, молитвы начинались в пять утра и длились часами. Не только в монастыре, но и в соседних поселениях, не меньше чем в сотне домов. Люди продолжали молиться и после захода солнца, в сумерки уходящего к Желтому Нилу. Своей красотой оно напоминает, что эта страна приняла христианство еще в ранний период соломоновой Эфиопии. Всю эту информацию вы можете найти в изданиях церковной миссии эфиопского православного христианства в Аддис-Абебе, которые я регулярно получаю, и во многих других публикациях, которые стоит почитать ради неведомых нам деталей.

Если вы посетите эти отдаленные монастыри, даже ничего не зная о прошлом, то через звон колоколов, благолепие пения, ритм молитвы, древние иконы и раннехристианские деревянные культовые предметы, через фрески и удивительные кресты, которые магнетической силой привлекут ваш взгляд, вы ощутите присутствие Христа в себе и во всем, что вас окружает.

Христианским мирозерцанием здесь возведен духовный мир, свободный от бранных земных цен-

ностей. Сознание и Бог — духовные субстанции, а не явления физического земного бытия. Они сохраняются при утрате материального. На древних эфиопских иконах изображение человека нереально, абстрактно: тела не обнажены или частично скрыты, а украшены столь же абстрактными узорами тканей, красками, которые, как драпировки, скрывают плоть. Перспектива исчезает, тело не соприкасается с земной красотой природы. Оно парит в золотой среде, окруженное святыми и апостолами с очень выразительными лицами и глазами.

Местное население не задает вопросов о том, существует ли Бог и действительно ли Христос — сын Божий. Переживание священного начала взращивалось и упрочивалось в них веками, рожденное раньше, чем где-либо еще на свете, передаваемое из поколения в поколение. Нет силы, которая могла бы его истребить или поколебать.

Монастырь с большим погостом над ущельем, заросшим эвкалиптами, расположен вдали от городов, в глухой, беднейшей части Эфиопии и окружен маленькими племенными поселениями. Транспорт сюда не ходит — добраться можно только верхом на осле, на коне или пешком. Здесь нет ни верблюдов и слонов, как в районах, отведенных для сафари, ни железных дорог и самолетов, как в развитых частях Эфиопии. Монастырь не был отмечен на карте, его не рекламировали туристические агентства, ведь большинство туристов едут в центры сафари, мало кто интересуется посещением бедных и отдаленных женских монастырей.

Многочисленные монастыри современной постройки более доступны. Древнейшие укрыты в скалах, как церковь Святого Георгия в Лалибале, где в глубине виден огромный каменный крест, за-

крывающий вход в церковь. Старые христианские церкви в те времена обычно были округлыми или прямоугольными, с алтарем посередине, к нему был доступ со всех сторон. В церкви Святого Георгия двенадцать колонн. На каждой фреска с изображением одного из Христовых апостолов. Эфиопские монастыри богаты фресками, иконостасами, иконами. Они строились, когда грозила опасность вторжения неприятеля, и потому спрятаны в недоступных скалах, как наши, сербские церкви и монастыри. Христианство всегда подвергалось гонениям — а православное христианство и до сих пор. Эфиопское (абиссинское) православие во многом совпадает с православием остального мира, хотя, в сущности, они монофизиты, чье учение отличается от установлений семи вселенских соборов.

Священники эфиопской церкви вступают в брак, как все православные в мире, с той разницей, что в Эфиопии в их семьях много детей — дабы древнее христианство не погибло. У некоторых до пятнадцати детей. Клирики облачаются в роскошные многоцветные хлопчатобумажные тоги — шамасы, искусны в речи и жестах.

Монахи и монахини, как и в других христианских церквах, не женятся и не выходят замуж. Живут очень скромно, аскетически, строго соблюдая уклад своих монастырей. Монахини приветливы, помогают народу, мы встречаем их, занятых работой, которая не приносит монастырю никакой материальной пользы. Они часто молятся в одиночку или группой и в церкви, и на природе. Облачения у них одноцветные, белые или чуть темноватые. В той же одежде они и в церкви, у клироса, когда совершают дневной обряд. В ранней юности, когда

я с родителями посещала Эфиопию и ее знаменитые монастыри, я всегда поражалась тому, как естественно ведут себя монахини и как они усердны.

Аксум — историческая местность, изобилующая монастырями. Она привлекает туристов, так как туда проложены хорошие дороги. Отец говорил мне, что здесь можно ощутить, насколько древнее в Эфиопии христианство. Нигде в мире, в других монастырях и музеях, я не видела таких предметов культа. Отец рассказывал, как здесь в первые века христианства переписывали Священное Писание черной и красной краской, тонкими и утолщенными линиями. Хранили книги в потайных местах. Фрески и иконы выполнены в примитивном стиле. Многовековой древности кресты необычной работы словно сделаны из золотого кружева. Однажды увидев, такое не забудешь. Узнаваемой красотой они выдают свое происхождение. Эфиопия — символ христианской изначальности, которая лишь в четвертом веке начнет на соборах оформляться в учение, огражденное правилами. Возможно, в этом причина, что эфиопских христиан официально не признают ни римокатолики, ни протестанты, ни даже православные, которым они ближе всего некоторыми чертами обряда. Эфиопская коптская церковь отделилась от христианского сообщества после четвертого, халкидонского, Вселенского собора в 451 году.

Я любила старинные иконы. Они не были трехмерными и походили на графику. Фигуру целиком писали редко, в ранний период святые словно не имели рук и ног, доминировал портрет. Нигде на свете я не видела ничего подобного. В них была графическая экспрессия — овалы лица, крупные глаза, обрамленные черной линией. Лики святых и лица молящихся священников подтверждали,

что души их пребывают на небесах, там, где Всемогущий, которому мы молимся. В более поздних композициях руки с удлинненными пальцами были простерты в небо, что усиливало впечатление устремленности к Богу. Богородица всегда была очень любима и почитаема, ее лик часто писали на фресках и иконах. У нее была темная кожа, как у Христа,— вот откуда в Европе несколько культовых черных Богородиц.

Ряд типов абстрактных святых образов, совершенно антиреалистичных, особенно распространился после 726 года, когда сочли, что земные формы неуместны в сакральных изображениях. Верующий человек может легко воспринять этот образ как явление духа, в радости, что молится чистой идее Всемогущего без антропоморфических черт, ибо лишь вполне отвлеченная геометрическая форма может передать духовную истину. Возможно, и из-за запрета христианства некоторые иконы имели абстрактный вид: двойные головы ангелов, соединенные по вертикали и горизонтали, со множеством крыльев, как у бабочек; у всех крупные, темные, пронизательные глаза, устремленные в запредельность, как у херувимов.

В эпоху гонений и истребления христиан Иисуса писали в облике овечьего пастыря, агнца Божьего или рыбы, у апостолов появились свои крылатые символы (тетраморф): Матвей — крылатый человек, Марк — крылатый лев, Лука — крылатый вол, Иоанн — орел.

Древнейшее православное искусство ясно выражало истину в священных словах:

Всемогущий всё видит.

Ему всё ведомо!

Только Он объемлет всё.

Неудивительно, что посвященное Богу искусство, однажды увиденное и пережитое, не забывается никогда.

Эти три изречения не только пронизывают культовые творения православной Эфиопии, но веками отзываются в созданиях гениальных творцов — писателей, музыкантов, живописцев. В их заметках о том, что вдохновляло и вело их в творчестве, всегда шла речь о божественном восторге, который охватывал их, когда творение обещало быть нетленным. Бог нашептывает во время всего процесса созидания.

С той первой встречи с монастырями Эфиопии древнехристианское православное искусство сопутствует мне. Я долго не осознавала, что оно так повлияло на формирование моей художественной концепции мотивов и цветов, — больше, чем работа любого из величайших мастеров иконописи, которыми восхищается мир. Только позднее, когда я изучила эту специфическую область искусства и особенно когда завершила большие работы, которые принесли мне признание и славу, я поняла, в чем исток красоты, привлекавшей критиков и посетителей моих выставок.

Отец сумел получить у монахов разрешение на фотосъемку в монастыре, что обычно запрещено. Хотя он никогда не занимался никаким искусством, у него был замечательный дар — видеть. Умение выбрать ракурс съемки, момент, когда освещение подчеркивает суть снимаемого предмета, усиливало суггестивное воздействие его снимков. Эти кадры были напоены мистической атмосферой, и много лет спустя после отъезда из Эфиопии я такого не встречала даже у известных мастеров

фотографии. К сожалению, женщинам не разрешалось входить во многие монастыри, знаменитые раннехристианским искусством; мы с матерью только слушали описания фресок и икон и смотрели снимки, которые делал отец.

Меня восхищали высокие стелы из камня и дерева, которые мы видели по дороге. Некоторые высотой до двадцати двух метров. Как их строили без подъемных кранов, мне непонятно и сегодня.

До деталей запомнилась поездка в южный Аксум. Там, на вершине горы, в двух тысячах метров над долиной — церковь Абуна Ямата. Добраться до нее могут только опытные альпинисты. Наша семья решила совершить восхождение — фрески стоили того, чтоб на них посмотреть. После нескольких часов подъема и опасного перехода через узкий, шаткий деревянный мостик, сплетенный из ветвей, мы увидели в скале вход в монастырь. Шероховатые стены расписаны фресками святых, держащих Священное Писание. Там я ощутила дух истинного христианства, единство разума и все-сильного утешения, торжествующего над иллюзией ценности земной жизни. Там я училась истории божественной симфонии, ради которой стоило рисковать жизнью. Говорят, и по сей день ни один паломник не упал в ущелье.

Подобное ощущение я пережила потом в наших скромных женских монастырях. Жаль, я была тогда слишком молода — не понимала, в чем их красота и в чем различие между тем, как строили церкви прежде и строят теперь.

Отец получил разрешение — мы будем приняты. Посетители могут добраться сюда самолетом,

железной дорогой и в автомобиле, так что монастырь весьма посещаем. Моя семья решила, что и мы поедем. У нас была отличная палатка, и перемены погоды, которые в это время года нередки, нас не пугали. Изумило нас нечто другое: церковный праздник сопровождался звуками двусторонних кабаро и других барабанов, плясками, пиршеством с горячительными напитками и весьма популярной кока-колой, привезенной из ближайшего города, где был завод. Первый день был постный, а на другой все ели мясо, которое готовили монахи.

На этот праздник в город Кулуби в провинции Хараре собрались 28—29 декабря и эфиопские граждане, в основном из Аддис-Абебы, и иностранцы.

Крупнейший праздник привлек и мусульман: они тоже верили в архангела Гавриила и молились вместе с православными, которым принадлежал монастырь. Были здесь и многочисленные туристы со всех концов света.

Празднику всего около ста лет, он связан с победой Менелика в знаменитой битве под Адуа и освобождением этой части Эфиопии от итальянцев. Вот чем объяснялось то, что многие здесь говорили по-итальянски,— некогда это были оккупированные области.

Перед битвой полководец зашел в маленькую церковь Святого Гавриила в Кулуби и дал обет, если победит, выстроить в честь святого великолепный монастырь на территории, где преобладали мусульмане. Со временем в Кулуби вновь селятся христиане, что прежде были изгнаны, а кое-кто из мусульман переходит в православие. Все это напомнило мне о сербском святом Василии Острожском,

поклониться которому приходят и верующие других конфессий. О том, что святые не делят верующих на конфессии, свидетельствует и биография святой Параскевы Пятницы, родившейся в Эпивате в XI веке. Султан Сулейман II перенес ее мощи из Белграда в свой дворец в Константинополе, и там она творила чудеса, потому и мусульмане часто искали ее покровительства — до тех пор, пока мощи не были возвращены в Сербию.

В течение двухдневного прославления святого Гавриила и мусульмане, и христиане молятся в одном монастыре. Христиане входят в церковь, а мусульмане, по своему желанию, молятся у церковных стен.

Крестный ход был богат и впечатляющ — во главе с патриархом Эфиопии, с большими древними золотыми крестами. Священники в живописных облачениях, с синими зонтами над головой. У некоторых белые тюрбаны. Многие священники и монахи прибыли из других монастырей и церквей. Пестрели специальные накидки — шамасы — и тоги из парчи, встречались и местные ткани ярко-красного цвета. Монахини были одеты скромнее — в белые или темные тоги. Здесь же были политики, правители не только из Эфиопии, но и из других африканских стран.

К началу литургии многолюдный праздничный крестный ход с пением псалмов и старинными золотыми крестами вошел в огромную церковь. Храм мог принять более полутора тысяч человек, для остальных, рассеянных в палатках на километры, службу транслировали по радио. В конце литургии священники с большими вывернутыми шелковыми и парчовыми зонтами, синими и цветастыми, соби-

рали пожертвования на ремонт монастырской дороги и старой церкви.

Помнится, шел дождь, но никому это не мешало. Мокрые хлопчатобумажные шамасы — так назывались и плащи, которые носил простой народ, не только духовенство, — сохли у огня.

Скоро повсюду была грязь, но и это никому не мешало. На пол в церкви настелили солому, только на эти два дня. Множество детей было окрещено в ближней старой церкви, за женщин, которые не могли иметь детей, читались особые молитвы. Как и при всех монастырях, здесь неподалеку находилось большое кладбище, где хоронили и монахов, и мирян. При жизни разделенные — в смерти нераздельны.

Публика была пестра, как ее одежда. Дамы в красивых нарядах, бедные верующие, нищие, девочки в коротких юбках, миссионеры из разных стран мира. Звучало множество языков. Наконец из-за туч сверкнуло солнце, стало сильно припекать, и грязь быстро высохла.

Две ночи пылали костры возле исторического города, окруженного древними стенами. Повсюду жгли поленья из акации, чтоб отпугнуть многочисленных гиен, которые пытались приблизиться к людям, уснувшим в палатках. Далеко в холодной ночи разносился их зловещий вой, он снился мне еще долго, вплоть до недавнего времени.

Наутро занялся красивый жаркий день. Солнце палило нещадно. Ветви деревьев и земля перед древними стенами неодолимо напоминали зимний пейзаж. Раскаленный шар всё облекал в призрачную белизну — и здания, и людей, и животных. Гиены уже обгладывали мясо с разбросанных костей, которые священники-повара заранее вынесли

в поле, подальше от сутолоки людского муравейника. Ранним утром обглоданные кости, выбеленные тропическим солнцем, сильно действовали на воображение. Эта сцена годами не уходила у меня из памяти.

Не помню, чтоб я ощутила на том празднике дух благочестия, который с детства ношу в себе и ощущаю в монастырях. Мне не хватало тихой церковной музыки, песнопений. Зрелище напоминало карнавал, гулянье, экскурсию; мои родители встретили знакомых американцев из отеля в Аддис-Абебе. Может быть, я была слишком мала, чтобы все это понять?

Едва ли не лучшие сакральные работы мы видели в монастырях и новых, современных церквах города Гоям и близ озера Тана. Один мотив меня очаровал и впоследствии повлиял на мои работы. На высоких воротах монастыря Святая Святых было множество ангельских лиц с незабываемыми огромными глазами. У каждого свое выражение и свой взгляд.

Годы спустя, когда судьба привела меня в отдаленный женский монастырь в Эфиопии, я выполнила подобный образ в мозаике. Это было в монастыре игуменьи Иеремии, где мне помогали дети. Меня удивило, что они привнесли в ангельские лица печаль и слёзы.

— Отчего плачут ангелы? — спросила я.

Одна из девочек печально ответила:

— Оттого, что убьют младенца-Христа. И мать-Богородица печальна, она раньше всех узнала, что ее сын будет убит.

Все это я пережила и видела еще очень молодой, а описываю, чтоб вы поняли, почему мне близки та уединенная тихая обитель в Эфиопии и этот монас-

тырь. Столько святости в скромности, в том, как здесь молятся, в колокольном звоне и пении...

Здесь не было ни карнавального прославления святых, ни громкой музыки с преобладанием барабанного боя, ни пиршеств. Не было импозантного крестного хода с драгоценными старыми золотыми крестами и огромными символическими синими зонтами из парчи, которые закрывали головы священников. Здесь небо — защитник всех, здесь все живое и неживое укрыто под синим зонтом любви. Величайшим и пресветлым.

ГАРМОНИЯ

И в этой тишине, среди природы, не тронутой цивилизацией и техникой, вдали от рева моторов, трое слепых детей «сочиняли» божественные песнопения, не получив ни единого урока музыкальной грамоты, а игуменья Иеремия записывала ноты, чтобы выучиться их песням, а потом учить других.

Это были счастливые дети. Хотя и незрячие. Бог наделил их даром пения. Мелодии мощно, энергично рвались из глубины их душ. Слепые глаза неустанно плакали, видя несчастья, болезни и голод, которыми дети были окружены ежедневно.

Босоногие, с тонкими ручками, кожей, опаленной от солнца и инфекций, с глазами, ослепшими от проказы, с пересохшими и голодными ртами — они пели Христу.

Иногда они ходили на реку с кем-нибудь из друзей, у кого не было проблем со зрением, удили рыбу, сидя в каноэ, которые сами делали из папируса, или перевозили редких путников. Тишину прерывал равномерный тихий плеск пугавшей — длинно-

ОБ АВТОРЕ

Дойна Галич-Барр — сербская писательница и художница. Родилась в Бухаресте, выросла в Белграде. Жила в Париже, затем в Чикаго. Врач-невропатолог и психиатр. Специалист по лечению детской психопатологии методами искусства. Была директором психиатрической клиники для детей и взрослых в Чикаго. Много лет преподавала в университете штата Иллинойс, вела программы на телевидении и колонку в газете. Имеет частную психотерапевтическую практику в городе Джольет (Иллинойс). Автор романов, опубликованных на языке оригинала и в английском переводе: «Безликие ангелы» (2004; 2005), «Синий голубь» (2005; 2006), «Колокола и ветер» (2006; 2007), «Анна Ли» (2007), «Игра в кегли» (2008), «Дом разбитых зеркал» (2008). Лауреат ряда премий, в том числе премии белградской Академии Иво Андрича (2007).

СОДЕРЖАНИЕ

1. Иисусовы слезы	7
2. Черная жемчужина	19
3. Синий зонт любви	25
4. Гармония	37
5. Сад, который еще не расцвел	40
6. Свет, что никогда не гаснет	44
7. Двойник, молчащий у реки	50
8. И смерть умирает	58
9. Композитор	62
10. Колокола и ветер	71
11. Крест на шее младенца	78
12. Боль женщины	88
13. Мед с акации	92
14. Звук далеких колоколов	96
15. Язык праотцев	102
16. Богородица с Христом	106
17. Я жила ради искусства и музыки	112
18. Женщина с пышной грудью	119
19. Я рисовала детей и молилась Богу	123
20. Страх одиночества	126
21. Энергия любви	130
22. Картина нашей души	136
23. Скрытая страсть	143
24. Две жизни	146
25. Подготовка красок и основы	150

26. Сто огоньков	153
27. Благотворительный бал	155
28. Девушка в эфиопской одежде	160
29. Письмо из Белграда	164
30. Черно-белая фотография	168
31. Золотая сеть звезд	175
32. Пророчество	181
33. Зеленое кружевное платье	188
34. Капитан королевской армии	191
35. Исповедь как музыка	195
36. Билет на «Аиду»	200
37. Магдалина-Марго	204
38. Крест на лбу	208
39. Молодой священник	214
40. Портрет	219
41. Список смертников	224
42. Бог дал мне возможность молиться	227
43. Аида	231
44. Женщина с лицом девочки	234
45. Крещение	237
46. Чудеса, чудеса	240
47. Светлый ангел	243
48. Возле Желтого Нила	248
49. Святая Параскева	253
50. Голос божественной красоты	256
51. Знаю: родители рядом	260
52. Счастье вечных вопросов	265
53. Я верю в чудеса	271
54. Прислушаться к душе и телу	277
55. Апостолы на земле	282
56. Он понимал мою тоску	288
57. Больше я не вернулась в тот город	294
Об авторе	298

Издательство »ВАХАЗАР«
КОЛЛЕКЦИЯ СЕРБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОЛОГИЯ СЕРБСКОЙ ПОЭЗИИ
Т. 1-3

Избранные стихотворения
крупнейших сербских поэтов XX века

Небојша Иваштанин | Небойша Иваштанин

КОНЕЦ ИЛЛЮЗИЙ • КРАЈ ИЛУЗИЈА

Афоризми | Афоризмы

ВЛЮБЛЁННОЕ СОЛНЦЕ • ЗАЛЪУБЪЕНО СУНЦЕ

Стихови | Стихотворения

Дойна Галич-Барр

КОЛОКОЛА И ВЕТЕР

Роман

Готовятся к изданию другие книги

КОЛЛЕКЦИЯ СЕРБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Издательство »ВАХАЗАР«

(495) 472 68 81 wahazar@mail.ru

Издательство »ВАХАЗАР« (Москва)

СРПСКО-РУСКА ПОЕТСКА БИБЛИОТЕКА

Изаиле су из штампе | Вышли из печати

**Радован Карацић | Радован Караджич
ВСЕОСЕНЬ • СВЕЈЕСЕН**

**Витомир Николић | Витомир Николитч
РЕКВИЕМ ДЛЈА СКИТАЛЪЦА • РЕКВИЈЕМ ЗА СКИТАЧА**

**Бранислав Црнчевић | Бранислав Црнчевитч
ОБЕТОВАННИЙ СВЕТ • ОБЕЋАНИ СВЕТ**

**Ђорђо Сладоје | Ѓорѓо Сладое
ПРИВЫКАНИЕ • ПРИВИКАВАЊЕ
К БУДУЩЕМУ НА БУДУЋНОСТ**

**Благоје Баковић | Благое Баковитч
ПО ЛЕГКОЈ ЛАЗУРИ • НИЗ ЛАКУ ПЛАВЕТ**

**Рајко Петров Ного | Рајко Петров-Ного
ТАЙНЫЕ ЗНАКИ • ТАЈНИ ЗНАЦИ**

*Готовятся к изданию | У припреми су
друге књиге | другие книги*

СЕРБСКО-РУССКАЈА ПОЭТИЧЕСКАЈА БИБЛИОТЕКА

Издавачка кућа »ИГАМ« (Београд)

Литературно-художественное издание
Серия «Проза нашего времени»
Серия «Коллекция сербской литературы»

Галич-Барр Дойна

КОЛОКОЛА И ВЕТЕР

РОМАН

Перевод с сербского А. Б. Базилевского

Ведущий редактор серии «Проза нашего времени»

Н. В. Комарова

Ведущий редактор серии «Коллекция сербской литературы»

А. Б. Базилевский

Художественное оформление серии: *А. Б. Архутик*

Редактор-корректор Издательства «Вахазар» *М. Снага*

Корректор *О. В. Круподер*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.11.08 г.

Формат 80×100/32. Гарнитура «CharterС».

Печ. л. 9,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»

115477, Москва, Кантемировская ул., д. 59а

Тел./факс 755-81-23

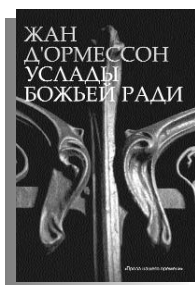
E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru

Серия «Проза нашего времени»

ЖАН Д'ОРМЕССОН
УСЛАДЫ БОЖЬЕЙ РАДИ

Пер. с франц. В. А. Никитина

Жан Лефевр д'Ормессон (р. 1922) — граф, выходец из знаменитой аристократической семьи, четверо представителей которой были дипломатами, послами Франции в разных странах, в том числе и его отец. Поэтому будущий писатель провел детство в Германии, Румынии, Бразилии и вернулся в 1938 г. во Францию, где учился в лицее Людовика Великого, а в 1945 г. поступил в престижное высшее учебное заведение Эколь Нормаль. По семейной традиции начал свою карьеру государственным чиновником, работал в нескольких министерствах и ЮНЕСКО. С 1949 г. работал в различных периодических изданиях, в 1974—1976 гг. был директором «Фигаро». Доктор философии. Член Французской академии.

«Мне захотелось попытаться помочь тем, кто придет после нас, вспомнить то ушедшее прошлое, которое мы оставили за собой. Удержать что-нибудь из того времени, что-нибудь из его слабостей и величия, его комичности и безумия, из той эгоистической строгости и замкнутости, ставшие причиной его гибели и исчезновения...»

Жан д'Ормессон